

— Клянусь, это самое захватывающее дело, в котором я принимал участие с тех пор, как присоединился к отделу! — воскликнул Фан Юаньхан.

Как и большинство младших детективов, которым еще не хватало опыта, он с чрезмерным энтузиазмом относился к делам об убийствах.

— У каждого из них такое сложное, драматическое прошлое. Ли Хунмэй, разве ее детство не слишком трагично? Откуда взялись эти "чужаки"? Как они могли просто случайно убить несколько человек, а потом исчезнуть на десять лет?

— Важно не то, что они были чужаками. Мы должны посмотреть на действия местной полиции во время этих убийств, — сказал И Фэй. — В истории о смерти отца и сына Ли слишком много нестыковок. Мы определенно еще не видим всей картины. Успокойся немного и еще раз просмотри тот старый отчет о расследовании.

Фанг Юаньхан редко получал ругань от своего мягкотелого вице-капитана. Вместо того, чтобы успокоиться, получение выговора от И Фэя только раззадорило его.

В Университете общественной безопасности было два типа выпускников. К одному из них относился Фан Юаньхан. Они были из тех, кто приходит в восторг от дел об убийствах. Чем крупнее дело, тем лучше. Именно за такими делами они любили гоняться.

Второй тип был полной противоположностью Фан Юаньхану. Они вообще не могли работать с делами об убийствах. Они не выносили ни вида мертвого тела, ни вони трупного гниения. При расследовании места убийства они прятались как можно дальше.

Состояние Фан Юаньхана было таким, какое испытывали многие детективы. В свои двадцать с небольшим лет Минг Шу тоже был горячим юношей. Он с головой погрузился в работу, думая только о раскрытии дел и преследовании подозреваемых, не заботясь о собственном здоровье и благополучии.

Доходило до того, что после раскрытия дела Сяо Юань часто заставлял его в ужасно неприглядном виде.

Во внешности Минг Шу не было никаких недостатков. Он родился с естественными привлекательными чертами лица, которые могли бы дать фору Лу Яньчжоу из специальной полиции. Они оба были широко известны в полиции как "красивый дуэт". Как часто говорил Фан Юаньхан, эти двое могли бы легко создать группу и зарабатывать на жизнь в индустрии развлечений.

Но привлекательность Минг Шу была не такой, как у Лу Яньчжоу, "красивого натурала". Минг Шу тщательно заботился о себе, в частности о своей внешности, и любил время от времени покрасоваться.

Пример заметного различия между ними:

Когда они проходили мимо зеркала, Лу Яньчжоу был из тех, кто даже не взглянет на свое отражение. А вот Минг Шу, напротив, не преминул бы взглянуть на себя. Иногда даже несколько раз.

Но как только у Минг Шу появилось дело, все изменилось.

Однажды, вскоре после того, как Минг Шу начал работать в Бюро, Сяо Юань отправился в город Донгье, чтобы навестить его. Когда Сяо Юань приехал, Минг Шу был в... состоянии. Его волосы были жирными и грязными, кожа высохла, и он даже не брился несколько дней. При приближении от него можно было даже почувствовать запах.

Сяо Юань только рассмеялся.

Минг Шу был потрясен. Его нельзя было видеть в таком состоянии, но он мог только прикрывать глаза Сяо Юаня руками и кричать:

— Гэ, не смотри! Ты ничего не видел! И ты не можешь вспомнить ничего из того, что видел!

Одному Богу известно, как усердно Минг Шу преследовал Сяо Юаня на протяжении всей их юности, и вот, наконец, он покорила Сяо Юаня. Как он мог показать себя в таком ужасном состоянии Сяо Юаню сейчас?

Тогда они еще не были так остепенены, как сейчас. Минг Шу все еще чувствовал себя новым парнем, который пытается произвести впечатление на свою возлюбленную.

Сяо Юань взял Минг Шу за запястья и отвел его руки от глаз. Он увидел панику в глазах Минг Шу и красный румянец смущения на его щеках. Улыбаясь, Сяо Юань сказал:

— От тебя немного пахнет. Даже, я бы сказал, воняет.

— Я... — Минг Шу прервал себя и застонал. — Гэ, прекрати! Не говори так!

— Но раз это для дела, я понимаю, — сказал Сяо Юань. — Мой маленький Минг Шу — очень хороший и ответственный детектив.

Минг Шу надулся, но его грудь раздувалась от тепла и привязанности.

Последний месяц он работал до изнеможения, бегая по дюжине разных городов, поселков и деревень в погоне за серийным убийцей. После успешного привлечения преступника к

ответственности Минг Шу уже ощущал чувство выполненного долга. Теперь его хвалил старший любовник, внезапно появившийся перед ним.

Чувство выполненного долга удвоилось в несколько раз, а сердце, казалось, готово было вырваться из груди.

— Иди прими ванну, — сказал Сяо Юань, погладив Минг Шу по щеке. — Сбреешь бороду, как только закончишь.

— Ты побреешь ее мне? — спросил Минг Шу с наглой ухмылкой.

Сяо Юань улыбнулся.

— Да, я побрею.

Минг Шу не торопился в ванной, наслаждаясь приятным, долгим купанием. Затем он наслаждался временем, проведенным, прислонившись к груди Сяо Юаня, слушая тихое жужжание электробритвы. Это было так успокаивающе, что его веки начали опускаться...

В мгновение ока молодой детектив, который становился немного вонючим, когда зарывался в сложное дело, стал капитаном Отдела тяжких преступлений. Его решимость никогда не ослабевала, но он научился контролировать свой нрав. Он повзрослел и стал более ответственным — по крайней мере, он стал более зрелым и ответственным в присутствии своих товарищей по команде.

Когда И Фэй бывал уже на пределе своих возможностей в отношениях с Фан Юаньханом, он кричал:

— Капитан Минг! Подойдите и посидите с вашим младшим сыном!

Минг Шу как раз читал старый отчет о расследовании.

Двенадцать лет назад Ли Хунмэй было всего девять лет. Тогда ее двадцатилетний брат Ли Ляньгоу и отец Ли Гуочжун были жестоко избиты до смерти. Их тела были выброшены на бесплодный холм за пределами деревни; это было не что иное, как трагедия.

Дед Ли Хунмэй по отцовской линии тяжело заболел после получения новостей. Ее мать никогда не отличалась хорошим здоровьем, а после того, как она узнала, что ее муж и сын были жестоко убиты, просто потеряла рассудок. Она стала жестокой и приобрела привычку гоняться за дикими собаками, избивая и пиная их, но в конце концов была загрызена ими до смерти.

По сей день, двенадцать лет спустя, убийства Ли Гуочжуна и Ли Ляньгоу остаются нераскрытыми.

Деревня Ся Бэнь находилась в уезде Юаньхай. Полиция уезда Юаньхай пришла к выводу, что Ли Гочжун и его сын перед убийством поддерживали тесные связи с какими-то приезжими. После спора с этими чужаками они были убиты. Посторонние покинули город, как только выбросили тела, не оставив никаких улик, и никто из жителей деревни не знал, кто они такие.

— Этот отчет полиции Юаньхая противоречит сам себе, — сказал Минг Шу. — Они говорят, что у них нет никаких зацепок, но они знали, что отец и сын Ли имели тесные связи с этими чужаками, и они знали, что они спорили с этими чужаками. Это сразу две зацепки. Значит, у них было с чего начать расследование, но они не использовали эту информацию. Вот что превратило это простое дело в холодное дело, которое до сих пор не раскрыто двенадцать лет спустя.

— Да и часть о том, что никто из жителей деревни не знал о личности чужаков, — добавил И Фэй. — Это тоже выглядит странно. Есть одна возможность, которая сразу же приходит на ум. Чужаки вовсе не были виновны. Их подставили, обвинив в чужом преступлении.

— Типичный пример неразрешимого дела, но такого, которое никто не хочет раскрывать. — Минг Шу отбросил отчет о расследовании в сторону и вздохнул. — Деревня Ся Бэнь — очень бедная. Чем беднее и старомоднее место, тем больше в нем нераскрытых дел. Это дело похоже на то, что местная полиция не выполнила свою работу и защитила настоящего убийцу, свалив вину на каких-то "чужаков". Они исказили улики и задвинули дело в сторону, скрывая его год за годом. Подобные случаи обычны для сельских деревень. Деревня Ся Бэнь не уникальна.

— Тогда кем были убиты отец и сын Ли? — спросил Фан Юаньхан.

Минг Шу поднял брови:

— Ты все еще не понял? Я всерьез подумываю отправить тебя на несколько лет в глушь, чтобы ты набрался опыта в таких делах.

Фан Юаньхань мгновенно отпрянул назад и спрятался за спину И Фэя.

— Что я сделал не так? Я действительно не знаю!

— В таких местах, — сказал Минг Шу, — чиновники защищают друг друга, или защищают преступников, которые могут принести им какую-то пользу. Чиновники не являются кем-то важным, а преступники — просто мелкие жулики, но они используют те крохи власти, которые у них есть, чтобы притеснять обычных граждан, пока те не начинают задыхаться. Если бы кто-то действительно хотел раскрыть такое дело, высокопоставленная следственная группа могла бы решить его за несколько минут.

И Фэй кивнул, затем с сожалением добавил:

— К сожалению, деревня Ся Бэнь и уезд Юаньхай не находятся под нашей юрисдикцией.

Фан Юаньхан мгновенно оживился и снова вспыхнул энергией:

— Но Ли Хунмэй была студенткой университета в Донгье, когда совершила преступление и убила трех человек. Мы должны преследовать каждую зацепку, которая касается ее, и мы можем использовать это как предлог, чтобы заглянуть в деревню! Это то, что называется вытаскиванием грязи, когда выкапываешь репу!

Выражение лица Минг Шу слегка изменилось. По привычке он поднял правую руку и указал пальцем на свой подбородок.

— Влияние дела об убийстве в обществе огромно. Вся страна сейчас говорит об этом, — сказал Фан Юаньхан, доставая телефон и энергично проводя пальцем по экрану. — Эта "грязь" не будет долго оставаться похороненной. Новостные издания и люди в социальных сетях копаются в прошлом Ли Хунмэй, пытаюсь найти причину ее поступка. Вот посмотрите! Деревня Ся Бэнь находится в уезде Юаньхай, а прямо за ней — город Хайлу. Все городские газеты уже отправили репортеров в деревню. Даже если местная полиция не хотела раскрывать это старое дело, им придется расследовать его сейчас. Пока дело двенадцатилетней давности всплывает, правда о нем обязательно всплывет!

— Может быть, это и было ее целью с самого начала, — тихо размышлял Минг Шу.

И Фэй был партнером Минг Шу на протяжении многих лет. Естественно, он сразу понял, на что намекает Минг Шу.

— Если это так, — сказал он, — то это была одна трагедия, которая привела к другой.

— А? — спросил Фан Юаньхан.

— Ты помнишь Вэнь Яо? — спросил Минг Шу.

Фан Юаньхан кивнул:

— Конечно, помню. Это к ней приставал Ло Сяньфу что бы сделать фотографию. Сиделка в доме престарелых. Мать-одиночка, что воспитывает дочь.

— Она ненавидит пожилых людей, которые делают уличные фотографии, и вообще ненавидит большинство стариков, — сказал Минг Шу. — Когда Ло Сяньфу остановил ее, чтобы сфотографировать, она могла бы молча уйти от него, но она использовала свои способности,

чтобы самостоятельно добиться для него наказания. Она использовала зрителей и своих друзей, чтобы убедиться, что Ло Сянфу получил порку в Интернете.

— Верно. Я изначально думал, что она как-то связана со смертью Ло Сянфу, — сказал Фан Юаньхан. — Но, шеф, вы сказали, что она не причастна. И вы были правы. Мы подтвердили ее алиби.

— Ли Хунмэй и Вэнь Яо — одно и то же, — сказал Минг Шу, доставая пакет с уликами и запиской, которую он нашел в одном из учебников Ли Хунмэй. — Главное отличие их историй в том, что травма Ли Хунмэй гораздо сильнее, и ее возмездие также было гораздо более интенсивным. Вэнь Яо еще не впала в полное отчаяние, а Ли Хунмэй уже впала.

Фан Юаньхан был, несомненно, молод, и он видел лишь очень ограниченное количество таких ужасных случаев. Когда он слушал, каждая мелочь, казалось, вызывала у него шок.

— Мне нужно еще раз поговорить с Ли Хунмэй, — сказал Минг Шу.

У Ли Хунмэй было мрачное и угрюмое выражение лица. Она совсем не походила на юную студентку университета. Ее деревянные, ничего не выражающие глаза смотрели прямо на Минг Шу, как будто она смотрела сквозь него, не видя.

Она никак не отреагировала на его присутствие, пока он не положил на стол перед ней распечатку новостной статьи из Интернета.

На этом листе бумаги было написано:

Расследование убийства в общежитии, таинственное и подозрительное происхождение?

После этого Минг Шу положил перед ней записку из общежития Ли Хунмэй.

— Если это была твоя цель, — сказал он, — то ты ее уже достигла. Теперь история твоей семьи в центре внимания. Все в стране спрашивают, что за семья произвела на свет убийцу трех студентов.

Дрожа, Ли Хунмэй протянула руку и взяла распечатку. В ее глазах наконец-то появилась эмоция: вспышка шока. Это потрясение вскоре сменилось гневом, затем ужасом, и наконец... радостью.

По лицу Ли Хунмэй расплылась ухмылка.

Но эта радость не имела ничего общего со счастьем. Это было чувство, похожее на облегчение, которое испытывает человек, который после долгих лет хождения в темноте, наконец, увидел

луч света.

— Ах... — Казалось, Ли Хунмэй потеряла дар речи, произнесла лишь один хриплый звук.

Когда этот звук вырвался из ее уст, на глаза навернулись горячие слезы.

— Ты можешь немного успокоиться, — сказал Минг Шу. — Затем расскажи мне все, что знаешь. Думаю, ты уже давно репетируешь то, что хочешь сказать, так что тебе не понадобится дополнительное время, чтобы собраться с мыслями. Сейчас тебе просто нужно в последний раз повторить то, что ты отрепетировала. Расскажи мне свою историю.

В комнате для допросов воцарилась напряженная тишина. Это была полная, всепоглощающая тишина, и все же Минг Шу казалось, что он слышит пронзительные ноты кровавого крика.

Это был мучительный вой сердца, которое слишком долго было вынуждено оставаться горько закрытым.

— Я убила людей. Трех. Это преступление невозможно простить, и вся страна потрясена, — начала Ли Хунмэй. — Полиция наконец-то обратила на меня внимание. Народ этой страны наконец-то обратил на меня внимание. Верно?

Минг Шу молчал. Не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что он видел горькое, душераздирающее выражение ее глаз.

Ли Хунмэй подняла один палец. Потом второй, потом третий.

— Одного человека было бы недостаточно. Два человека, ну, этого тоже могло быть недостаточно. Трех... трех точно будет достаточно. Раньше, когда бы я ни заговорила, никто не слушал. Они затыкали уши и игнорировали меня. Никому не было дела, даже когда я плакала и кричала. Никто никогда не понимал меня. Теперь ты наконец-то слушаешь.

В этот момент она остановила свою речь и начала смеяться.

— Теперь, если я ничего не скажу, вы будете умолять меня говорить.

Когда Минг Шу посмотрел на нее, у него возникло непоколебимое чувство, что он смотрит на ненормальную, избитую и израненную поворотами судьбы.

Она убила трех человек. Она принесла трагедию в три семьи. Она должна была заплатить за свои преступления.

Но кто заплатит за преступления, совершенные против ее семьи?

Кто превратил ее в это деформированное существо, которым она живет сегодня?

Ли Хунмэй снова заговорила неторопливо:

— Мой отец и старший брат не были убиты "чужаками". Они были честными и добрыми, хорошими людьми. Они никогда ни с кем не ссорились. Их убил Ли Шусянь!

От переводчика:

В маленьких отдаленных деревнях Китая обычное дело если все жители деревни имеют одинаковую фамилию, даже несмотря на то, что они не родственники. Так что не удивляйтесь, что у всех фигурантов истории Ли Хунмэй одна и та же фамилия.

<http://bllate.org/book/14859/1321881>